

© И. Л. Маяк, 2009

И. Л. МАЯК

РАННИЕ РИМСКИЕ КОЛОНИИ: ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ И НАЧАЛО РЕСПУБЛИКИ

При самом беглом взгляде на римскую историю нельзя не заметить, что колонии сопровождали ее развитие на протяжении тысяч лет. Пользуясь словами К. Маркса, который был мастером кратко и метко формулировать суть знаний, полученных другими учеными, колонизация была постоянным звеном в общественной цепи античности.

Тексты античных авторов и надписей действительно дают основание для такого утверждения. Представление о колониях Рима в Италии мы получаем от, так сказать, классических авторов – Ливия, Дионисия, Диодора Сицилийского, частично от агрименсора Гигина Громатика и Веллея Патеркула. При этом каждый из них пользуется своей терминологией. Так, Ливий обычно говорит в истории раннего Рима о «римской колонии» (*colonia Romana*), в то время как применительно к более позднему этапу колонизации фигурирует у него *colonia civium Romanorum*. Дионисий же называет ранние колонии либо ἀποικία, либо κληρουχία, либо упоминает ἐποίκοι.

Иными словами, Ливий подчеркивает римское происхождение колонистов, а Дионисий различает характер римских колоний по модели греческой государственно-правовой практики: от ἀποικία Великой греческой колонизации VIII в. до н. э., до классического V в. до н. э. в Греции, когда, собственно, и вошли в жизнь клерухии, отличавшиеся от апойкий своим юридическим статусом. Гигин Младший, или Громатик, касался колонии в специфическом аспекте, т. е. техники межевания полей. Что же касается характеристики ранних римских колоний, то оговоримся о времени их функционирования: это царская эпоха и период ранней Республики (V в. до н. э.). Считаю необходимым сделать еще одно замечание. К традиции Ливия, Дионисия и других античных авторов под влиянием новых археологических и лингвистических открытий приходится вообще относиться с большим доверием, чем было принято¹. Но это положение непосредственно касается и данных, относящихся к нашей теме. Так, Фидены оказались столь же развиты в VIII в. до н. э., как и Рим. Остия признана местом если не колонии, то фактории IX в. до н. э. Эти обстоятельства документируют, подтверждают данные традиции, по крайней мере, об утверждении римлян VII в. до н. э. в устье Тибра и о военном соперничестве Рима и Фиден в правление Ромула, с чем связана колонизация этого города.

Не случайно поэтому проблема колонизации нашла отражение и в общих, и в специальных трудах. Уже Б. Г. Нибуhr² дал общий очерк римской колонизации, отмечая отличие римских поселений колонистов от греческих. Прежде всего, ученый заметил, что колонизация была свойственна всем италийцам, затем подчеркнул идентичность *colonia* и ἀποικία, но при этом отметил, что греческие выселки были изначально свободны и независимы от своей метрополии; они основывались на новых, незастроенных местах, тогда как римские – в местах обжитых. Римляне старых поселенцев не изгоняли, но непременно отторгали у них, как правило, $\frac{1}{3}$ земли, что порождало противоречия между совместно проживающими раздельными общинами, иногда объединявшимися в общее гражданство, подобно патрициям и плебеям в Риме, без взаимного *ius connubii*.

¹ Peruzzi E. *Civiltà greca nel Lazio preromano*. Firenze, 1996; Fidene. *Una casa dell'età del ferro*. Roma, 1998; Carandini A. *Roma. Il primo giorno*. Roma – Bari, 2007; Carandini A., Bruno D. *La casa di Augusto dal «Lupercalia» al Natale*. Roma, 2009.

² Niebuhr B. G. *Römische Geschichte*³. B., 1853. S. 376–379.

Следующий по времени титан XIX в. Т. Моммзен³ касается римских колоний в связи с развитием идеи римского гражданства и вместе с тем полугражданского статуса, существующего и колониям, выводимым римлянами. Но хронологически первыми были морские, они же гражданские, колонии Остия и Антий. Заметим, что исследователь коснулся ранних римских колоний, но чрезвычайно кратко, отметив их самостоятельный характер. Далее в его труде выделена проблема «технологии» выведения колоний, в том числе роли сената в этом процессе; латинских и ветеранских, а также перегринских колоний в их соотношении с полнотой гражданских прав колонистов. В социальном плане колонисты оцениваются в качестве хозяев-землевладельцев и крестьян. Для Моммзена характерно рассмотрение возникновения колоний в связи с союзническими отношениями. Это представляется важным, поскольку показывает взаимозависимость этих факторов развития.

Что касается «Римской истории» Моммзена⁴, то в ней колонизация как специальная тема отсутствует. Но там присутствуют любопытные положения, касающиеся Остии. Ученый не высказывает сомнения в ее раннем основании, но считает, что римляне «не дали ей никакой политической самостоятельности, а тем, кто в ней поселился, не дали местных гражданских прав, лишь оставив за ними общие римские гражданские права, если они ими уже ранее пользовались». Отсюда пошло понятие о *colonia civium Romanorum* как об отдельной, но юридически несамостоятельной общине. Население покоренных, по мнению мэтра, переходило на положение клиентов общины, и лишь немногие роды достигали патрициата. Таким образом, положение ранних колоний не выделялось в государственно- и частноправовом отношении из массы покоренных городов, чьи отношения с Римом регулировались договорами. Все сказанное позволяет отметить, что ранние колонии в изображении Т. Моммзена были отдельными от Рима городами.

Нельзя обойти вниманием книгу, проблема которой соприкасается с проблемой ранних римских колоний. Это фундаментальный труд «Римское гражданство», вышедший из-под пера Шервина-Уайта⁵, уже в двух изданиях. Колонии не тонут у него в массе покоренного Римом населения, но его интерес сосредоточен именно на *colonia civium Romanorum*, притом в период после Латинской войны (340–338 гг. до н. э.), хотя сама идея колонии граждан возникла значительно раньше. Шервин-Уайт видит органическую связь между идеей колонии, инкорпорированного государства и муниципия. Цели образования *colonia civium Romanorum* и колоний латинского права, по мнению ученого, одинаковы, но реальное их разделение существует и является конституциональным. Он считает гражданскую колонию не настоящим государством (*res publica*), откуда следует, что колонисты не прекращали оставаться римскими гражданами. Интерес Шервина-Уайта сосредоточен на времени, начиная со Второй Латинской войны, когда появилось латинское право, так что ранняя колонизация оказалась фактически вне его внимания.

Специально римским колониям посвящены обобщающие статьи в Реальной энциклопедии Паули–Виссова–Кролля, базировавшихся на классиках XIX в. Поэтому следует принять во внимание более новое ответвление этого замечательного издания. С этой целью необходимо учесть статью Дитера Медикуса в кратком варианте этой энциклопедии, под названием *Coloniae*⁶. В статье говорится об обычном основании колоний в уже обитаемом месте, об отторжении земель в пользу колонистов у побежденных городов. Цели выведения колоний признаются различными: ради создания форпостов Рима, в торговых интересах либо в интересах ветеранов после реформ Мария. Численность колонистов определялась в 400 человек. В эпоху Республики колонизация базировалась на почве Италии. *Coloniae civium Romanorum* основывались преимущественно в раннюю эпоху (морские или прибрежные колонии), а затем – с конца III в. до н. э., когда местное

³ *Mommsen Th.* St-R. III. Lpz., 1887. S. 775–778; 52–53; 26.

⁴ *Моммзен Т.* Римская история. М., 1936. Т. 1. С. 96, 97.

⁵ *Sherwin-White A. N.* The Roman Citisenship¹. Oxford, 1939. P. 72, 73.

⁶ *Medicus D.* Coloniae // *Der Kleine Payly.* Bd. 1. Münch., 1979. S. 1248–1250.

гражданство потеряло цену. Практически выведение колоний проходило по решению сената (SC), путем *lex coloniae deducendae* и осуществлялось с помощью коллегии *tresviri coloniae deducendae agroque dividundo*. Начиная с Мария сенатского решения не требовалось. Ассигнирование земель проводилось жеребьевкой. Колонисты сохраняли римское гражданство, так что гражданская колония представляла собой осколок Рима на чужой земле.

Латинские колонии стали образовываться, когда завоевания отделились от Рима и присущая гражданским колониям несамостоятельность оказалась нецелесообразной. Главным отличием латинских колоний было то, что они обладали самоуправлением и их поселенцы, в том числе римляне, теряли свое гражданство, обретая гражданство вновь основанной колонии, т. е. латинское право с наличием *ius connubii* и *ius commercii* в Риме. Вместе с актом основания латинская колония становилась римским союзником, а ее члены – *Latini coloniarum*. С переселением в Рим (по *ius migrandi*) они обретают римское гражданство.

В качестве показательной среди работ общего характера назовем еще книгу А. Гуарино «История римского права»⁷, вышедшую уже четвертым изданием, представляющую собой подробный и точный справочник. Колонии римлян рассматриваются А. Гуарино в ряду таких контролируемых Римом государственно-правовых институтов, как *coloniae civium Romanorum*, *municipia cum suffragio et iure honorum*, а также *municipia sine suffragio*. Уже сама терминология свидетельствует о том, что интерес ученого направлен в сторону обстановки, сложившейся в Лации после Второй Латинской войны. Он, естественно, признает, что первичным был институт *colonia civium Romanorum*. До событий IV в. до н. э. они являли собой *coloniae maritimae*: Остия, Антий, Террацина, Минтурна, Синуэсса, Сена Гальская, позднее – это колонии в провинциях, созданные в военных целях и для освобождения Рима от переполнявшего его населения, чем создавались как бы филиалы римского государства. *Municipes cum suffragio et iure honorum*, по мысли Гуарино, имели в определенных пределах двойное гражданство. Как видно, подобно ранее названному ученым автор книги ограничивается минимумом сведений о колониях царской эпохи и начала Республики и не разграничивает характера «гражданских» колоний, функционировавших в царское время и на заре республиканского Рима. Естественно, можно ожидать большего внимания к интересующим нас вопросам в специальных трудах. Оставляя в стороне полезные, но не затрагивающие раннюю колонизацию статьи, обратимся к фундаментальной монографии Э. Т. Сальмона «Римская колонизация в период Республики»⁸. В центре внимания исследователя – эпоха до Союзнической войны. По мнению автора книги, римские колонии были гражданскими общинами с собственным самоуправлением, созданными Римом с помощью особой акции (*deductio*). Колонии представляли собой укрепленные форпосты, призванные охранять завоеванные Римом территории, но со II в. до н. э. они приобрели еще одну цель – выселять из Города мятежных, потерявших землю бедняков. С IV в. н. э. наряду с редкими морскими колониями граждан основывались и латинские колонии, имевшие аграрную направленность. Отмечая технологию выведения колоний путем принятия *lex coloniae deducendae* по желанию плебса, высказанного на плебейских сходках (*concilia plebis*), Э. Сальмон указывает на важную роль в этом плебейских трибунов, а потом императоров.

Организация выведения колонии проводилась особой коллегией трех, которая ведала размежеванием полей, распределявшихся между колонистами путем жеребьевки. Э. Сальмон обратил внимание на большую величину участков в латинских колониях, отводя такой мерой претензии латинов на участие в политической жизни Рима, а римлян – от недовольства из-за утраты римского гражданства. Поскольку колонисты оказывались живущими вместе со старыми жителями колонизованной территории, им порой

⁷ Guarino A. Storia del Diritto romano. Napoli, 1990. P. 234–237.

⁸ Salmon E. T. Roman colonisation under the Republic. L., 1969. P. 14–15.

давались права гражданства колонии, но иногда на месте существовали две общины. Постепенно план и архитектурное оснащение колонии все чаще стали приобретать облик типично римского города с правильной сеткой улиц, общественными строениями и форумом. Все римские колонии разного статуса в период Ранней республики автоматически входили в состав Латинского союза. Это, по мнению Сальмона, вело к потере римского гражданства. Такие колонии названы им *Priscae Latinae Coloniae*. Сведения о них в источниках кратки, полностью не ясны⁹. Функционеры этих колоний составили ядро противников римской власти, содействовавшее открытию Второй Латинской войны (340–338). Это стимулировало римлян к увеличению числа гражданских колоний. Далее Сальмон дает обзор выведения Римом колоний, в котором отрицает традиционную датировку основания колонии Остия в правление Анка Марция, поскольку археологические свидетельства относят это событие к IV в. до н. э. Гиперкритически относится он и к анналистическим данным о связи колонизации V–IV вв. с конфронтацией богачей и обездоленного плебса.

В отечественной историографии советского времени было обращено внимание на раннюю колонизацию. Так, А. И. Немировский¹⁰ рассмотрел этрусскую и греческую колонизацию в Италии, специально остановился он на римской, связывая ее с завоевательной политикой Рима, оживившейся благодаря реформам середины V в. до н. э., консолидировавшим общество. Ученый отвергает историчность основания Остии при Анке Марции, второй сомнительной колонией считает Лабики (418 г. до н. э.), началом колонизации называет IV в. до н. э. (Антий – 338 г. до н. э. и Террацина – 329 г. до н. э.), обе колонии – гражданскими. Вместе с тем он удреверяет основание латинских колоний: Сатрик в 385 г. до н. э. в вольских землях, в 383 г. до н. э. – Непета и Сутрия в этрусских, в 382 г. до н. э. – Сетии у вольсков, соглашается со мной в том, что ранние римские колонии были привилегированными союзниками Рима, а не общиной людей, обладавших всеми правами римского гражданства.

Ф. М. Нечай в книге «Рим и италики»¹¹ проследил по периодам (царский, 496–340 гг. до н. э., 339–218 гг. до н. э., II в. до н. э. и до Гракхов) основание колоний Римом, определил хронологию выведения колоний гражданского права начиная с VIII в. до н. э. и латинского права с VI в. до н. э.

Затем вышла моя книга, посвященная отношениям Рима и италийцев в III–II вв. до н. э.¹², с экскурсом в историю римской колонизации начала эпохи Республики. В ней сказано, что ранние колонии V в. до н. э. не были гражданскими, поскольку заселялись плебеями, не имевшими полного гражданства в Риме. Не случайно Ливий называет их «*colonia Romana*», а не «*colonia civium Romanorum*». Термин этот появляется после 338 г. до н. э. Далее содержится попытка обосновать тезис об обособленности ранних римских колоний от Рима данными традиции о выступлении против своей метрополии. При этом за ответные военные действия против выселок, выведенных по желанию плебса, высказывались все трибы, т. е. именно плебеи. Значит, они не считали себя членами единой общины. Замечу, что эти положения были изложены в более раннем издании, в статье «Характер и роль *colonia Romana* в распространении римской власти на Апеннинском полуострове»¹³.

Итак, следует констатировать, что колонии царской эпохи почти не затронуты современной наукой, а раннереспубликанские исследованы не полностью.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что объяснение слова «*colonia*» в античных источниках падает на императорскую эпоху, особенно на II в. н. э. Культура этого времени, как известно, характеризуется взаимопроникновением греческой и римской

⁹ Salmon E. T. Roman colonisation under the Republic. P. 40.

¹⁰ Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. С. 157–213, 253, 255.

¹¹ Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск, 1963. С. 48–50, 66–68.

¹² Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н. э. М., 1971. С. 42–50.

¹³ Маяк И. Л. Характер и роль *colonia Romana* в распространении римской власти на Апеннинском полуострове // ВДИ. 1956. № 3.

культур, модой в Риме на вторую софистику в философии и приверженностью к аттицизму в филологии¹⁴. Ученые предпочитают Цицерону – Катона Цензора, Вергилию – Энния, даже Саллюстия, которого любили за имитацию архаики, – Цэлия Антипатра. В этой же плоскости лежит интерес интеллектуалов II в. к антиквариату, к толковым словарям, объясняющим древние слова и обычаи.

Принимая во внимание сказанное, не приходится удивляться тому, что феномен колонии фигурирует у Авла Геллия, Феста и в Дигестах, точнее, у известного юриста Помпония.

Начнем с Авла Геллия. Одна из глав «Аттических ночей» (*Gell.* XVI. 13) озаглавлена «Что такое “муниципий” и чем он отличается от “колонии”; и что такое “муниципалы” и каково значение и своеобразие этого слова; и тут же о том, что сказал божественный Адриан в сенате о правах муниципалов, а также о самом этом слове».

Как видно, в центре внимания Геллия – муниципий, а колония определяется у него по различию с ним. Геллий устанавливает их разницу в юридическом отношении (*Gell.* XVI. 13. 1–2). В частности, ошибкой, по его мнению, является считать, что «положение в колониях лучше, чем в муниципиях» (*Gell.* XVI. 13. 3). А между тем, как явствуют приведенные Геллием примеры, такие муниципии, как Италика и Утика в правление Адриана, стремятся перейти в положение колонии (*Gell.* XVI. 13. 4). Вместе с тем пренестинцы просили императора Тиберия вернуть им статус муниципия вместо полученного ими наименования колония (*Gell.* XVI. 13. 5). Отметим, что оба события относятся к Принципату (I–II вв. н. э.). Статус жителей обоих типов поселений одинаков: это римские граждане (*Gell.* XVI. 13. 5). Однако муниципалы пользуются своими законами и правом, участвуют в несении *munus* вместе с *populus Romanus*, не будучи связаны прочими обязанностями и законами римского народа (*Gell.* XVI. 13. 6). Из этого свидетельства Геллия вытекает, что речь идет о времени после Союзнической войны (90–88 гг. до н. э.), что *munus* понимается именно как почетная обязанность в виде *ius honorum*, не говоря уж о *ius suffragii* в Риме, и что у муниципалов имелось собственное самоуправление. Этот вывод можно подкрепить прежде всего данными эпиграфики¹⁵ относительно колоний (так наз. *Lex Iulia municipalis*), законом, фиксировавшим единообразное внутреннее управление италийских городов на рубеже республиканской и императорской эпох. Хоту подчеркнуть, что упомянутое единообразие и муниципиев, и колоний было нововведением по указанному закону (2 половина I в. до н. э.).

Далее в рассматриваемой главе «Аттических ночей» стоит: «У колоний другие отношения (с метрополией), ибо они не вливаются в общину извне и не опираются на свои корни, но проистекают из общины, как будто расширенной, и имеют все права и установления от римского народа, а не по своему выбору» (*Gell.* XVI. 13. 8). Завершается эта глава рассуждением о том, что зависимость колонии от метрополии является кажущейся, что она фактически лучше и предпочтительней, чем свобода муниципия, ввиду величия римского народа. Колония, по мысли Геллия, была уменьшенной копией Рима. В заключение автор «Аттических ночей» замечает, что неясность для его современников вопроса о колониях и муниципиях объясняется тем, что забыты права муниципиев, и пользоваться ими из-за их незнания невозможно (*Gell.* XVI. 13. 9).

На основе рассмотренного текста можно прийти к следующим выводам: а) ко времени Геллия разница в положении названных типов городов практически стерлась; б) прежде между поселениями разных наименований различие было, и в каждом из них происходили изменения.

¹⁴ Knapp Ch. Stories from A. Gellius. N. Y. – Cincinnati – Chicago, 1895; Smiley K. N. Latinitas and ἑλληνισμός // Bulletin of the University of Wisconsin. N. 143. 1906. P. 257–268; Marache R. Mots nouveaux et mots archaïques chez Fronton et Aulu Gelle // Travaux de la Faculté des Lettres de Rennes. Ser. 1. Vol. 1. 1957; Jensen J. P. Aulus Gellius als literaturkritiker: Impressionist oder Systematiker? // Classica et medievalia. V. 488. 1997. S. 359–388.

¹⁵ Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. [VII Tabula Heracliensis dicta] Lex Iulia municipalis a. 709 (= 45) // Fontes iuris Romani antiqui / Ed. Bruns. Tubingae, 1909. S. 102–110.

Действительно, давно установлено, что категория муниципиев появилась после Второй Латинской войны (340–338 гг. до н. э.), а колонии, выводимые римлянами, имели разный статус – *civium Romanorum* и *Latini nominis*. Государственно-правовая характеристика италийских городов должна быть дополнена существованием *civitates sine suffragio*. В современных Гелию памятниках римского права затронут вопрос о колониях, в том числе о правовом содержании термина *colonia*. Так, Гай сообщает, что некогда (*olim*) при основании римлянами колоний в латинских землях отправлявшиеся туда по приказанию отца выходили из-под его власти (*ipse ex potestate exhibit*), в силу чего теряли римское гражданство и становились гражданами другого государства (*civitas*) (*Gai. I. 131*).

Далее автор, характеризуя латинов-юнианов, повторяет важные сведения о том, что римские граждане, переселявшиеся в латинские колонии, становились латинскими колонистами (*Latini coloniarii*) и переставали быть римскими гражданами (*Gai. I. 131*).

В Дигестах отведено место для перечисления колоний италийского права (*coloniae iuris Italici*) в разных провинциях Империи, дарованного городам императором Адрианом и Септимием Севером (D. 33. 15. 1–11). Из приведенных данных вытекает, что, несмотря на внимание к правовому положению колонистов, объяснения дефиниций «*colonia*» юристы эпохи Принципата не затрагивают.

Зато поздний автор, комментатор «Энеиды» Вергилия, ученый Сервий восполняет этот пробел. Ссылаясь на древних авторов (*olim, veteres*), Сервий говорит, что «*colonia* – это общность или группа людей, которые были вместе выведены в определенное обустроенное место, где они должны жить, пользуясь определенным правом»¹⁶. Другие, согласно Сервию, «говорят, что *colonia* – это то, что греки называют апоикией, а название происходит от *colendo*. Однако часть колоний составлена из граждан или союзников, посланных по решению своей гражданской общины или того народа, откуда они отправились, чтобы иметь свое государство. Итак, колонии – это те (поселения), которые образованы при общем согласии своего государства или решения того народа, который их отправил, а не на основе раздора»¹⁷.

Надо сказать, что определение Сервия является очень емким и точным, что облегчает понимание текстов, в которых содержатся сведения о римских колониях, включая интересующее нас раннее время.

Заметим, однако, что все это укладывается в хронологические рамки Римской республики. Но если для *civitas sine suffragio* (486 г. до н. э.) и муниципия (338 г. до н. э.) четко прослеживается их начальная дата, то появление и развитие римских колоний нуждается в дополнительном исследовании.

Наши нарративные источники сообщают, что римляне выводили колонии изначально. Это был естественный процесс для Италии доромулова времени. В самом деле, римской предшествовала альбанская колонизация, сам Рим был альбанской колонией. О том, что колонизация – древнейший феномен Италии, убедительно свидетельствует обряд *ver sacrum*, который отразил переход италиков от избавления от «лишнего» населения путем его убийства к выселению едва подростокшей молодежи с территории общины за ее пределы в поисках нового места поселения.

Рассмотрим конкретные данные античной традиции о колониях Рима царской эпохи.

Ливий упоминает колонии в связи с войнами римских царей, зачастую вскользь и не выдерживая хронологического порядка. После победы над городами Антемна и Крустумерий, оскорбленными похищением женщин, Ромул в оба города послал колонистов, и оттуда многие мигрировали в Рим (*Liv. I. 11. 4*). Вскоре жители ближайшего г. Фидены, встревоженные римскими военными успехами, выступили против Рима (*Liv. I. 14. 4–10*).

¹⁶ *Serv. Aen. I. 12: sane veteres colonias ita definiunt. Colonia est coetus eorum hominum qui universi deducti sunt in locum certum aedificiis munitum, quem certo iure obtinerent. Alii: colonia – dicta est a colendo; est autem pars civium aut sociorum missa, ubi rem publicam habeant ex consensu suae civitatis, aut publico eius populi unde profecta sunt consilio.*

¹⁷ *Liv. I. 56. 3.*

Но успеха они не добились (*Liv.* I. 14. 11), и, судя по другим сообщениям античной традиции, вскоре вынуждены были стать римской колонией.

Но первое упоминание формулы «*colonia Romana*» появляется у Ливия в сообщении о войне третьего царя, Тулла Гостилия, против Альбы Лонги (*Liv.* I. 22. 6), о турнире Горациев и Куриациев (*Liv.* I. 24. 3; I. 25. 12), о римской победе и о попытке альбанского диктатора Меттия Фуфетия склонить к новой войне против Рима фиденатов. Заметим, что они названы «жителями римской колонии» (*colonia Romana* – *Liv.* I. 27. 2–3), которые отпали от Рима и стали воевать с ним, получив помощь от римских союзников вейентов (*Liv.* I. 24. 3; 27. 5). Образование колонии в Фиденгах Ливием не датировано, но ясно, что произошло это раньше правления Тулла, не позднее первой четверти VII в. до н. э.

Далее в связи с Анком Марцием Ливий упоминает основание города, но не колонии Остии (*Liv.* I. 39. 9: *urbs condita*), а говоря о правлении Тарквиния Гордого, он сообщает о посылке колонистов в Сигнию и в Цирцеи (*colonis mittendis; Signaim Circeiosque colonos misit*).

Началом Республики (509 г. до н. э.) отмечает Ливий отпадение от Рима двух колоний – Пометии и Коры, которые названы «*coloniae Latinae*» (*Liv.* II. 16. 8–9), безусловно по латинскому происхождению этих городов¹⁸. В 502 г. до н. э. Пометия была вновь взята римлянами (*Liv.* I. 17. 4). К 499 г. до н. э. относит Ливий осаду городов, в том числе г. Фидены (*Liv.* I. 19. 2), откуда можно думать о вторичном отпадении фиденатов от Рима. Вскоре, согласно Ливию (*Liv.* I. 21. 7), колония (*colonia*) Сигния, выведенная еще при Тарквинии, была пополнена новыми колонистами (*suppleto numero colonorum*) и как бы основана вновь (*iterum deducta est*).

К 495 г. до н. э. относятся сведения о взятии римскими легионами колонии Пометии (*Liv.* II. 25. 5). Судя по тому, что город был отдан на разграбление, он был наказан за неверность, за переход на сторону врагов Рима.

Под 494 г. до н. э. значится у Ливия война Рима с вольсками. Одержав победу, римляне отобрали у велитернатов землю, вывели в г. Велитры колонию (*colonia deducta*) и послала туда колонистов (*Liv.* II. 31. 4: *colonis missis*).

469–467 гг. до н. э. были ознаменованы войнами с вольсками и затем эквами. Наконец, в 467 г. до н. э. был захвачен г. Антий, куда решено было вывести колонию. Однако желающих выехать туда из Рима набралось мало¹⁹, и пришлось включить в число колонистов и вольсков²⁰. Отметим это знаменательное событие.

На следующий 466 г. падает военная активность эквов. Антий подозревался в симпатиях к ним (*suspecta colonia*), и действительно, в 464 г. до н. э. многие антиаты проявили себя в отношении Рима неверными (*infidi coloni* – *Liv.* III. 4. 3) и перешли к эквам. Здесь мы встречаемся с третьим отпадением антиатов.

Важно еще проследить по Ливию позицию римских колоний в период Второй Латинской войны 340–338 гг. Так, в 340 г. до н. э. на подмогу латинскому городу Педу против Рима пришли жители римской колонии Велитры и все того же Антия (*Liv.* VIII. 12. 2–3). В конце войны, когда силы обеих сторон истощались, велитернаты, объединившись с жителями Антия, продолжали сопротивляться римлянам, пока не были разбиты консулом Мэнием (*Liv.* VIII. 13. 2; 4; 5). По докладу консула Камилла, все латинские города и вольский Антий сдались и находились под охраной римских отрядов (*Liv.* VIII. 13. 11). В Антий было выведено новое поселение, и снова желающим того антийцам разрешено было войти в число колонистов, которым были предоставлены права гражданства (*Liv.* VIII. 14. 8).

Переходя к данным Дионисия Галикарнасского, следует сказать, что он, в соответствии со своим интересом к римской древности, значительно подробнее, чем кто бы то ни было, говорит о колонизации царского времени. Сообщая о городах, находящихся у

¹⁸ Принадлежность латинскому племени объясняет удачный перевод этого места в тексте Ливия как «два латинских поселения».

¹⁹ О значении этого факта см.: Маяк И. Л. Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 117, 120.

²⁰ *ad splendendum numerum coloni Vulsci adderetur* – *Liv.* III. 1. 5–6.

устья Тибра и Лириса, он называет Остию и Минтурны, которые были колониями – апойкиями (πόλεις ἀποίητοι ἄποικαι – *Dionys.* 1. 9. 2). Первые колонии Дионисий числит за мудрым Ромулом, который не губил покоренных, не поработал их, а выселял в часть их земли колонистов-клерухов (κληρούχους) основывать колонии-апойкии, а некоторым из них предоставлять римское гражданство (πολιτείας – *Dionys.* 2. 16. 1). Отметим сразу, что наш греческий автор несколько модернизирует историю Рима, считая его государственным образованием, со сложившейся категорией римского гражданства. Но, видимо, он верно улавливает, что некоторые клерухи в выселках оставались членами формирующейся гражданской государственной общины, а другие отделялись от нее с перспективой образования новой общины в будущем полисе.

Далее в рассказе о войне по случаю похищения сабинянок и о победе Ромула, о чем упоминает и Ливий, в «Римских древностях» сообщается, что по инициативе царя города Ценины и Антемны стали колониями римлян (ἀποικία Ρωμαίων) на таких условиях: у ценнинцев и антемнатов никакого имущества не отбирали, но к ним отправили римлян для совместного проживания (*Dionys.* 2. 35. 4). А пожелавших из них перебраться в Рим царь, оставив им их земельные наделы и прочее имущество, записал в количестве 3000 человек в римские трибы и курии (*Dionys.* 2. 35. 6). В Ценины и Антемны, ставшие колониями, было отправлено не менее чем 300 римлян, которые получили от этих городов $\frac{1}{2}$ их земель для раздела по жребию (*Dionys.* 2. 35. 5). Из всего этого следует, что первая Ромулова колонизация была своеобразной: произошло смешение населения Рима и покоренных городов, но все они сохранились как особые общины, что подтверждается термином «апойкия», а не «клерухия». Подобным же образом Ромул поступил и с разбитыми в бою крустумерийцами (*Dionys.* 2. 36. 1). Как сообщал и Ливий, это послужило тому, что многие соседние города вручали себя Ромулу и становились колониями римлян, начиная с Медуллии (ἀποικία – *Dionys.* 2. 36. 2; 3. 1. 2; 34. 5; 38. 3). Затем, но уже в результате военной победы Ромула и Татия над г. Камерия, и она была превращена в апойкию, а перебравшихся в Рим камеритов распределили по куриям (*Dionys.* 2. 50. 5). После смерти Т. Татия Ромул организовал поход на близлежащий город Фидены, победил его и вывел колонию (ἀποικία – *Dionys.* 2. 53. 4). Напомню, что и эти сведения в общей форме содержатся у Ливия.

После правления миролюбивого Нумы при Тулле Гостилии Фидены замыслили (вместе с римским союзником Вейи) отпадение от Рима (*Dionys.* 3. 6. 1; 7. 7; 9. 1). Но военное противостояние развернулось между римлянами и их метрополией Альбой, к которой и примкнули фиденаты (*Dionys.* 3. 24. 2; 4; 25. 4; 26. 2; 6). И позднее Фидены вновь выступали против Рима, так что Анк Марций вел против них ожесточенную войну (*Dionys.* 3. 40; 41. 2). Осаждал он и Велитры (*Dionys.* 3. 44. 5), что говорит в пользу того, что этот город, бывший римской колонией, отпал от Рима. Симптоматично, что Анк завершил войну, заключив с вольсками, включая велитернатов, мир и дружбу (*Dionys.* 3. 41. 5) как с независимыми от Рима городами.

После смерти Анка Марция уже в правление Тарквиния Прииска латины вновь поднялись против римлян, среди них был и г. Крустумерий, римская апойкия (*Dionys.* 2. 36. 1). Однако, сознавая свою слабость, крустумерийцы в лице их старейшин сдали город Тарквинию (*Dionys.* 3. 49. 4–5). Царь обошелся с Крустумерием милостиво; позволил им самим управлять своим государством (точнее – формирующимся государством!), пользоваться римским гражданством, но оставил у них колонистов (*Dionys.* 3. 49. 6: τὰ σφέτερα συνεχώρησεν ἔχειν καὶ τῆς Ρωμαίων πολιτείας μετεχειν ὡς πρότερον ... ἐποίκουσ ... κατέλιπεν; 3. 50. 3).

Воевал Тарквиний и с Фиденами, объединившимися против Рима с другими латинами (*Dionys.* 3. 50. 8). Однако после войн с латинами Тарквиний вел военные действия и против сабинов, и против этрусков. И на этот раз среди противников римлян значатся г. Фидены. Есть между тем любопытная деталь в этих событиях: среди поддержавших Тарквиния латинских городов Дионисий (3. 51. 2) называет Камерию. Если он не спутал ее с умбским Камерином, то это – римская апойкия. Ее позиция выглядит позицией, типичной для самостоятельной общины, а не части римской. Вообще города, просившие

в этой войне у римского царя мира, получали его на мягких условиях: латины должны были возместить римлянам захваченное имущество, в том числе рабов, но им позволено было использовать государственное устройство, доставшееся им от предков (*Dionys.* 3. 54. 2: $\text{πολιτεῖαται χρῆσασθαι τοῖς πατέροις}$).

Так вот, когда город был взят Тарквинием, виновников отпадения (ἀποστάσεως) одних предали позорному избиению плетьюми, а затем казнили отсечением головы, а других навечно изгнали. Имущество последних получили оставленные тут колонисты из числа римлян (*Dionys.* 3. 58. 3–4: Ρωμαίων ἑποίκοι). Слово ἑποίκοι , которым они обозначены, свидетельствует о дополнении населения, о пополнении колонии римскими поселенцами. Знаменательно, что и в войнах Тарквиния Гордого Фидены неизменно выступают, объединяясь с сабинами, против римлян (*Dionys.* 4. 51. 1–3; 4. 52. 1).

При модернистском представлении Дионисия о социальном и политическом уровне развития латинов и сабинов, рассмотренный текст все же нельзя недооценить. Особенно это касается Фиден. Город был римской апойкией, в числе населения которого находились и римляне. Но он упорно отстаивал свою «самостийность» во внешней сфере, а во внутренней сохранял «порядки предков», т. е. имел свое самоуправление. Не случайно и редкое применение термина «клерухии» в отношении римских колонистов царской эпохи до правления Сервия Туллия. Переселявшиеся в колонии римляне на этом хронологическом отрезке вливались в новую для них общину, вели ее жизнь, фактически становясь либо союзниками Рима, либо его недругами. Но союзники по определению не были членами римской общины. Союзные города, как известно, могли состоять в экономической или политической зависимости от других членов союза либо быть самостоятельными, ограниченными в своей жизнедеятельности лишь условиями заключенного договора, как это было в рамках Латинского союза или у этрусков. Но они не сливались в единый организм.

Позднее в царское время при Тарквинии Гордом колонизационный процесс был продолжен основанием двух апойкий – Сигния и Цирцеи (*Dionys.* 4. 58. 1: $\text{δυο πόλεις ἀποκίσας}$). При этом основателями обеих колоний царь назначил своих сыновей: Аррунта для г. Цирцеи и Тита для Сигнии (там же). Отметим, что оба поселения обозначены апойкиями, и напомним, что в устах грека это означало то, что поселенцы переставали быть гражданами метрополии.

В начале Республики римлянам было не до образования новых колоний. Но поведение прежних в отношении своей метрополии можно по Дионисию проследить. Так, в самом начале Республики сын этрусского царя Порсенны Аррунт отправился походом на Арицию. Но на помощь ей пришли латины и куманцы. Знаменательно, что наряду с ними и тускуланцами упомянут г. Антий (*Dionys.* 5. 36. 2). На 504 г. до н. э. падает еще одно событие. Сабиняне выступили против Рима, к ним сразу присоединяется сын Тарквиния Гордого Секст, сумевший привлечь к этой антиримской коалиции два города – Фидены и Камерию (*Dionys.* 5. 40. 2). К этому же году относится переселение Тита (которого Ливий именует Аттом) Клавдия в Рим (*Dionys.* 5. 40. 3). Там он был благожелательно принят и причислен к патрициям с получением земли в Городе и участка между Фиденами и Пицетией из общественной земли (ἐκ τῆς δημοσίας) для его сторонников. Эти участки дали потом наименование Клавдиевой трибе (*Dionys.* 5. 40. 5; 41. 1; 3). Заметим, что эту землю, прилегающую к Фиденам, римляне считали частью *ager publicus*, да и фиденатов – не чужими. Именно поэтому, покорив Фидены (*Dionys.* 5. 42. 4; 43. 1), римские консулы обошлись с изменниками без жестокости, казнив лишь немногих, а остальным позволив жить, как прежде (ὡς πρότερον), но поселили (συγκатоικίσαντες) у них стражей (φρουρούς), передав им часть отнятой у Фиден земли ($\text{τῆς χώρας ἀφελόμενοι}$ – *Dionys.* 5. 43. 2). Эту акцию следует рассматривать в качестве возвращения мятежных Фиден на положение колонии, которую вновь пополнили римскими переселенцами.

В 501 г. до н. э. латинские города во главе с Тускулом, где влиянием пользовался Октавий Мамиллий, женатый на дочери Тарквиния Гордого, собрались на собрание Латинского союза и решили отпасть от Рима. И снова среди недругов Рима оказались беглецы

из Камерии и Фиден, которые проявили активность, призвали латинов к войне против Рима (*Dionys.* 5. 51. 1). На следующий, 500 г. до н. э. фиденаты действуют еще активнее, некоторые зовут на общее антиримское дело Тарквиния с войском, и снова держат себя демонстративно отпавшими от Рима (*Dionys.* 5. 52. 1), римских послов, прибывших на союзное собрание, прогоняют. Тогда сенат направляет против фиденатов консульское войско (*Dionys.* 5. 52. 2). Осажденные фиденаты просили помощи от Тарквиния. Переговоры продолжались, и латины установили для римлян годичный срок для окончательного решения дела (*Dionys.* 5. 52. 6). Интересно, что Тарквиний уповал на гражданские раздоры в Риме и хотел поднять там восстание бедняков, особенно должников. Он отправил в Рим латинов, дав им деньги, чтобы подкупить обездоленных плебеев (*Dionys.* 5. 53. 2–3), лишь бы получить возможность вернуться на царство, а латинам – угодить, сняв осаду с Фиден, о чем стало известно одному из консулов (*Dionys.* 5. 54. 5).

499 г. до н. э. был ознаменован продолжением войны с Секстом Тарквинием и латинами, в том числе с Фиденатами, осажденными римским войском (*Dionys.* 5. 58. 1–3). В ответ на это Секст попытался осадить колонию Сигнию, но сигнийцы дали отпор, и Сексту пришлось осаду снять и уйти (*Dionys.* 5. 84. 4). Таким образом, здесь мы встречаемся со стойким выражением одновременно и враждебности и независимости в отношении Рима со стороны одних колонистов, т. е. фиденатов, и верности – других (сигнийцев).

В 498 г. римляне продолжили войну против Фиден (*Dionys.* 5. 58. 1–3), которые вынуждены были просить о перемирии, но фактически не для мира с Римом, а в ожидании помощи от латинов (*Dionys.* 5. 58. 4). Зная обо всем через лазутчиков, избранный консул на следующий, 497 г. до н. э., Тит Ларций Флав получил от сенаторов *carte blanche*. Он казнил заговорщиков, а прочим фиденатам оставил город и имущество, половину которого получили римляне, оставленные в качестве гарнизона в Фиденатах (*Dionys.* 5. 59; 60. 4). По сути дела, повторилась ситуация 504 г. до н. э.: Фиденаты вновь были поставлены римлянами на уровень римской колонии, население которой было увеличено за счет вооруженного отряда колонистов.

В 458 г. до н. э. Фиденаты пребывали под римской властью (*Dionys.* 5. 10. 22. 3). Но в 457 г. до н. э. проявившие недружелюбие к Риму сабины захватили территорию от Крустумерии до Фиден (*Dionys.* 10. 26. 1). В 451–450 гг. до н. э. положение практически не изменилось (*Dionys.* 11. 27. 7), и позднее римлянам приходилось держать войска под Фиденатами (*Dionys.* 11. 41. 1).

После этого Тарквиний, тускуланец Мамилий, муж его сестры, а также предводитель Ариции, собрали латинских союзников для войны с Римом (*Dionys.* 5. 61. 1–2). Среди подписавших договор Дионисий называет Цирцеи и Велитры, т. е. колонии римлян (*Dionys.* 5. 61. 3).

В 496 г. до н. э. закончилось перемирие Рима с латинами (*Dionys.* 6. 2. 1). К выступившим против Рима латинам присоединился Антий (*Dionys.* 6. 3. 2). 495 г. был для римлян трудным: обострились отношения с вольсками, а плебеи, отягченные бедностью и долгами, не хотели воевать. Пойдя навстречу должникам, консул Сервилий объявил о запрете репрессий против тех из них, кто пойдет на войну (*Dionys.* 6. 29. 2). Это возымело действие, войско было собрано и разгромило вольсков под Свессой Пометией (*Dionys.* 6. 29. 4), которая была захвачена еще Тарквинием Древним (*Liv.* 1. 53. 2) и, как было замечено, названа Ливием колонией (*Liv.* II. 16. 8–9). Таким образом, ее позиция может быть охарактеризована как позиция отдельного от Рима города. Под тем же годом (495 г. до н. э.) значатся требования близкого вольскам племени аврунков о возвращении им земель под названием Эцетра, захваченных римлянами и уже разделенных между колонистами (*Dionys.* 6. 44. 2; 6. 32. 1), т. е. стражниками (*κληρούχοις εἰς φυλακὴν... ἐκτεμφθεῖσι διένειμαν*). То, что колонисты Эцетры названы клерухами, позволяет думать, что они не слились с эцетранцами, оставались в колонии инородным телом, что не подвергает сомнению, но даже подтверждает фактическое положение колонии в качестве отдельной от Рима территории.

К 494 г. до н. э. относятся отпадение от Рима на сторону сабинян древней римской колонии Медуллия (*Dionys.* 6. 34. 1), а также ожесточенная война с эквами и вольсками,

в результате которой г. Велитры был взят приступом (*Dionys.* 6. 42. 2). Это свидетельствует о его выступлении в рядах врагов римлян.

В 493 г. до н. э. военные столкновения с вольсками продолжались. Консул Постум Коминий, коллега Сп. Кассия, покорив города Лонгулу и Полуску (*Dionys.* 6. 91. 2–3), направился против крупного города Кориолы, где прославился военной отвагой Г. Марций, прозванный потом Кориоланом (*Dionys.* 6. 94. 23). Любопытно, что жители Кориол ожидали помощи против римлян от антиатов (*Dionys.* 6. 92. 6; 7. 19. 3).

В конце 90-х гг. V в. до н. э. вольские города оказались во власти чумы. Город Велитры так опустел, что вынужден был добровольно отдать город римлянам с просьбой вторично прислать к ним колонистов (κληρούχους), так как ранее велитернаты уже принимали поселенцев из Рима (ἐποίκουσ ἐκ τῆσ Ρώμησ εἰληφότεσ – *Dionys.* 7. 12. 5). Здесь явное возвращение велитернатов на уровень колонии, причем дополнительные колонисты оставались римлянами, так что население колонии находилось в разном социально-правовом положении.

Римляне отказались от мести за отпадение Велитр и начали организацию колонии, набрав колонистов путем жеребьевки. Плебс сначала весьма обрадовался, но потом испугался заразы. Однако сенат, стремясь избавиться от бедных и мятежных плебеев, заставил колонистов отправиться в Велитры (*Dionys.* 7. 13), а вскоре и в Норбу (*Dionys.* 7. 13. 5; 14. 1; 27. 1).

В период войны Кориолана против римлян он в 489 г. до н. э. овладел городом Цирцеи. В нем проживали вместе и местные жители, и римские колонисты. Цирцейцы сами сдали город Кориолану, чем спасли всех (*Dionys.* 8. 14. 1–2). Судя по этому, население Цирцейской колонии было смешанным, и вражды у них с колонистами уже не было. Город же в целом от Рима был отделен.

В непрекращавшихся войнах с вольсками и эквами продолжались и стычки римлян с Антием, который, благодаря плодородным полям и удобной гавани, постоянно справлялся с трудностями и оставался богатым и сильным. Так и в 469 г. до н. э. консул Нумиций подверг город очередному разграблению и разорению (*Dionys.* 9. 56. 5–6), и римляне фактически держали антиатов в напряжении и в последующие годы (*Dionys.* 9. 57. 3; 7; 58; 59). В 467 г. до н. э. сенат постановил разделить среди плебеев антийскую землю. Поскольку имеющейся показалось мало, решено было перебираться в колонию латинам и герникам, а антиатам – оставить некоторую часть их земли, захваченной в прошлом году (*Dionys.* 9. 59. 2: ἐπιτρέψαι Λατίνων τε καὶ Ἐρικῶν τοῖσ βουλομένοισ τῆσ ἀποικίασ μετέχειν).

Отметим в этом важном свидетельстве Дионисия, 1) что колония обозначена термином ἀποικία и 2) что город был сдан антиатами и помогавшими им эквами по договору (ἴπο σπονδαί). Однако в нем был оставлен римский гарнизон (φρουρά – *Dionys.* 9. 58. 7–8). Все это подтверждает представление о том, что население Антиа, подобно эквам, не было мятежной частью римской общины, при том, что Антий был отдельным от нее городом.

Говоря о следующем, 466 г. до н. э., Дионисий сообщает весьма интересные факты. Антиаты, которые сохранили дом и земельный участок, стали обрабатывать не только эту, выделенную им римлянами землю, но и отнятую у них колонистами за какую-то оговоренную плату из своих доходов (*Dionys.* 9. 60. 2: Ἀντιατῶν ὅσοι ... γέωργοῦντεσ ἐπὶ ρηταῖσ). При этом колонисты названы клерухами.

Вместе с тем в той же главе (*Dionys.* 9. 60. 6) упоминаются беглецы из Антиа, сотрудничавшие с эквами. Таким образом, выявляется сложная картина. Живущие в городе антиаты завязывают, видимо взаимовыгодные, хозяйственные отношения с колонистами, в Антии устанавливаются внутригородские общественные связи. Преувеличивать их сплоченность и прочность этих уз, конечно, не следует, потому что потерявшие землю антиаты перебежали к эквам и склонялись к тому же оставшихся в городе (*Dionys.* 9. 62. 1). Но что особенно интересно, так это то, что соблазну перебежать к исконным врагам Рима поддались и большинство колонистов (*Dionys.* 9. 62. 2). Значит, водораздел

внутри населения Антия шел по социально-имущественной линии. Сближение местного населения и колонистов происходило на уровне имущественной дифференциации. Наше наблюдение подтверждается событиями 459 г. до н. э., когда коренные антиаты и римские колонисты, договорившись между собой и поделив землю, открыто отложились от Рима²¹. Это привело к тому, что консул Л. Корнелий двинулся против засевших в Антии римлян и вольсков и часть их перебил, а других обратил в бегство (*Dionys.* 10. 21. 5). Наконец, город был им взят, богатое имущество обитателей отправлено в римскую казну, воины получили более мелкую добычу. Но, главное, консул выделил из колонистов и местных жителей Антия наиболее знатных и виновных, которых оказались немало, подверг их розгам и затем обезглавил²².

Как представляется, приведенные данные достаточно красноречиво говорят о раздельном существовании Римской общины и неоднократно отпадавшей от нее колонии, объединявшей ее население против Рима, хотя и в противостоящие друг другу социальные группы. Б. Г. Нибур поставил акцент на непримиримых противоречиях внутри населения колоний между местными и римлянами, и в подтверждение этого тезиса привел еще яркий эпизод такого рода в Соре. В этом городе в 314 г. до н. э. были перебиты римские колонисты, после чего соранцы перешли на сторону самнитов. Рим организовал карательную экспедицию в Сору, но исход сражения оказался неясным. Во всяком случае, о победе римлян говорить нельзя, тем более что сам Ливий, рассказавший о событиях, упомянул о «некоторых», кто писал о неудачах римского войска (*Liv.* IX. 23. 1–2; 5). Это указывает на серьезность антиримской оппозиции в Соре, на сопротивление соранцев. Но не забудем, что речь у Ливия шла о Второй Самнитской войне, а случай в Соре произошел в конце IV в. до н. э., что далеко отстоит от начала республиканского времени, даже от середины V в. до н. э. Важно еще заметить, что колонию в Сору вывели в 303 г. до н. э., т. е. позднее описанных событий. Это было вторичное основание колонии (*Liv.* IX. 23. 2; X. 1. 1; *Vell.* I. 15), точная датировка первой попытки трудно определима. Если исходить из местоположения Соры на верхнем Лирисе, то она связана с проникновением римлян в Кампанию, т. е. с Первой Самнитской войной (343–341 гг. до н. э.). Впрочем, Моммзен считает, что Сора была занята Римом в 345 г. до н. э.²³, т. е. в период его экономического усиления в связи с заключением нового римско-карфагенского договора. Таким образом, сообщение Ливия о соранском случае не снимает нашего тезиса о неоднозначности, сложности взаимоотношений между римскими колонистами и автохтонным населением ранних римских колоний.

Обобщая наши наблюдения, можно сказать, что и в царскую, и в раннереспубликанскую эпоху колонии Рима основывались и становились обособленными от Рима городами. Но это обособление имело под собой разную основу. В царское время складывался общинный коллектив, не порвавший еще гентильные узы, сплавивавшие его (принятие переселявшихся в родовую организацию, обычай взаимных браков среди латинов). На заре Республики общество было уже иным. Связи среди колонистов крепились социально-экономическими интересами, характерными для раннеклассового общества. Коллектив колонии становился гражданским, полисным. К тому же Рим в ту пору был очень далек от достижения такого престижа, чтобы всегда держаться за принадлежность к его гражданству. Это касалось даже римлян, и тем более исконного населения тех мест, куда выводилась римская колония. Каждый городок, любой формирующийся полис, тем более равный по возможностям Риму, как Фидены и Антий, стремились к полисной самостоятельности и независимости. Это обуславливало желание колоний до поры до времени, которое наступит во II в. до н. э., жить самостоятельным полисом.

²¹ *Dionys.* 10. 20. 4: Οὐλοῦσκων τε τῶν ἀρχαίων οἰκητόρων τῆς πόλεως καὶ Ῥωμαίων τῶν ἀφικομένων ὡς αὐτοὺς ἐπόκων καὶ μερισαμένων τὴν γῆν.

²² *Dionys.* 9. 10. 21. 7: διακρίνας τῶν τε κληρούχων καὶ τῶν ἀρχαίων Ἀντιατῶν τοὺς ἐπιφανεστάτους τε καὶ τῆς ἀποστάσεως αἰτίαν...

²³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 332.

I. L. MAYAK

LE PRIME COLONIE ROMANE: DALL'ETÀ REGIA ALL'INIZIO DELLA REPUBBLICA

(RIASSUNTO)

L'attenzione degli studiosi si è concentrata soprattutto sul processo di colonizzazione dall'età medio-repubblicana a quella del basso Impero. Tralasciando il poco fondato ipercriticismo, che è diventato possibile grazie alle nuove scoperte scientifiche degli archeologi e linguisti, si deve notare che le fonti antiche attesterebbero, come fatto storico attendibile, l'esistenza processi di colonizzazione anche in età arcaica a partire dall'epoca regia. In particolare, la colonizzazione originariamente aveva delle sue peculiarità. Fino alla metà del VII sec. a.C., al fine di rafforzare la società romana appena formata, i re non solo anettevano la terra gli altri beni dalla popolazione locale, ma consentivano anche, totalmente o parzialmente, il trasferimento di queste popolazioni a Roma. Questo fatto trova giustificazione nella conservazione dei nessi tribali nel territorio del Lazio. Al riguardo, rimangono tuttora in vigore alcune teorie dei fondatori della moderna

scienza della storia e del diritto romano. Secondo l'opinione dell'A. queste teorie possono essere attualmente confermate con argomentazioni nuove. Per esempio, il carattere dell'isolamento da Roma delle *coloniae Romanae* d'età arcaica può essere spiegato facendo riferimento alla loro composizione sociale. Quando queste colonie si staccavano dai romani, la madrepatria, seguendo la decisione della plebe, rispondeva con la guerra. I coloni della Repubblica inizialmente formavano un collettivo civico autonomo, congiunto con le popolazioni autoctone, nei loro interessi sociali, economici e politici. In questo senso gli eventi del 459 a.C. ad *Antium* sono molto caratteristici. Non raramente le colonie romane prendevano le parti dei nemici di Roma o al contrario stabilivano i rapporti con gli alleati della madrepatria. La complessità dei rapporti tra coloni e romani si manifesta anche con la differenziazione patrimoniale all'interno della colonia.